

Диалог культур в эпоху глобальной неопределенности: социально-философский анализ.

кандидат философский наук, доцент Радевич Е.В.

БГУ, Минск.

Современная цивилизация вступает в качественно новый этап своего развития, демонстрируя тенденции, свидетельствующие о радикальных изменениях в современной реальности. Трансформации, свидетелями которых мы становимся сегодня, наглядно демонстрируют, что модель мира, которая утвердилась на рубеже 80-х – 90-х годов, перестает быть жизнеспособной. Глобализационный тренд развития мировой цивилизации меняется от ярко выраженной конвергенции и единообразия к регионализации и полицентризму.

Анализируя актуальные тенденции современной социодинамики, можно выделить следующие из них.

Современная социокультурная ситуация демонстрирует наиболее приемлемый способ взаимодействия – *полилог* культурных традиций, т.е. равное партнерство и кооперативное взаимодействие. В этом проявляется идеология полицентризма мирового сообщества, которая находит поддержку среди многих исследователей. В то же время, нельзя не отметить, что сегодня наблюдается однозначный перевес в сторону западных приоритетов, которые часто навязываются не западным регионам, даже если преподносятся как идеалы правильного образа жизни и универсальной системы ценностей. Такая экспансия вестернизации вызывает резкое неприятие со стороны других регионов мира. Более того, вестернизированный образ жизни и мышления в условиях глобализации чаще всего превращается в американизацию. США, пользуясь своим экономическим лидерством, стремятся закрепить это положение на политической арене и в сфере культуры. Экстраполируя по всему миру свой образ мышления, идеалы консьюмеризма и ценности массовой культуры, американская идеология целенаправленно насаждается остальной части мирового сообщества с целью укрепления за США статуса глобального гегемона в политической, экономической, ценностной и идеологической сферах общественной жизни. Тем не менее, можно с уверенностью отметить, что сегодня все чаще наблюдаются явления локализации и проявления партикуляризма, что свидетельствует о том, что формирование монокультурного мира – сильно преувеличенная абстракция.

Следующая тенденция, которая логически вытекает из предыдущей, – постепенное нивелирование национальных культурных особенностей, ценностей и обычаев, составляющих основу культурной традиции.

Разрушение традиции – одно из самых существенных негативных последствий глобальных социокультурных изменений. Без опоры на традицию как главный механизм сохранения и трансляции социокультурного опыта теряется способность к воспроизводству культуры [1].

П. Шнайдер, анализируя основные тренды глобализации, обратил внимание на «культурную модернизацию», которая усиливается экономической глобализацией и широким распространением телекоммуникационной инфраструктуры, а также ведет к постепенной маргинализации традиционных культур. Предрекая их исчезновение до конца XXI столетия, П. Шнайдер отмечает: «Дети традиционных обществ растут в западной одежде, едят западную еду, слушают западную музыку и (что самое главное) думают западные мысли» [2, р. 23].

Следующая характеристика глобальных изменений в культуре связана с ее унификацией в связи с использованием английского языка как языка глобальной коммуникации – научной, культурной, политической. С одной стороны, это способствует международному диалогу и позволяет избежать эффекта «вавилонской башни», с другой – таит в себе определенного рода опасности, поскольку язык является носителем и транслятором социальных и культурных кодов, традиций и национального характера, специфики общественного сознания и восприятия мира. Именно посредством языковых структур задается понимание и семантическая интерпретация мира в границах национального и культурного менталитета. Происходит трансформация национальных языков под действием единого глобального средства коммуникации [3]. Большинство современных научно-технических изобретений, компьютерных программ, электронных и сетевых ресурсов выпускаются на английском языке, международные политические переговоры, научные и культурные конференции также ведутся на английском языке, который становится универсальным средством глобальной коммуникации. Происходит трансформация национальной специфики мышления.

Глобализация в сфере культуры повлекла за собой смещение между элитарной и массовой культурой с явным преобладанием последней. Массовая культура, тиражируемая глобальными СМИ, благодаря своей простоте и доступности становится механизмом культурной экспансии и культурного империализма, пропагандирующих преимущественно американские ценности. Становясь фундаментом глобальной транснациональной культуры, массовая культура усиливает стандартизацию и унификацию мирового сообщества. «Массовая культура характеризуется всеобщностью, охватывающей широкую срединную часть современного общества, затрагивая тем или иным образом и состоятельную элиту, и маргинальные слои» [4, с. 412].

Еще одной весьма пугающей тенденцией является кризис механизмов идентификации, который является следствием разрушения национальных и культурных особенностей под действием процессов унификации и гомогенизации. Потеря идентичности ведет к маргинализации, усилению партикулярных тенденций и нарушению фундаментальных связей в культуре. Кризис идентичности затрагивает все ее возможные индивидуальные и групповые формы – начиная от национальной и этнической вплоть до такой формы идентичности, которая всегда мыслилась как примордиальный феномен, – гендерной принадлежности. Во многих европейских государствах стало нормой гендерное самоопределение, более того, даже гендерная неопределенность, связанная с разрешением ставить в паспорте пол «X». Появляется новый вид гендерной идентичности, который называют третьим полом.

Проблема самоопределения человека или даже целой группы людей также очень остро встала на постсоветском пространстве. После распада СССР транзитивным обществам предстояло обрести свое политическое и культурное самоопределение. Становление глобального мирового сообщества продиктовало определенные условия для стран переходного периода, которые также не могли избежать влияния идеологии консьюмеризма и массовой культуры. Новая форма гражданской идентификации «замещается феноменом так называемого “культурного гражданства”, основанного на общности потребления, – отмечает Н. Стивенсон. – Сегодня гражданство оказывается в меньшей степени связанным с формальными правами и обязанностями и в большей с потреблением экзотических продуктов, голливудских фильмов, популярной музыки или австралийских вин. Исключение из потребления этих продуктов означает исключение из гражданства в западном обществе» [5, с. 5].

Для так называемых транзитивных обществ весьма актуальным на сегодняшний день становится построение своей модели развития, аккумулируя опыт западных стран. Страны переходного типа, к которым относится и Беларусь, постепенно меняют свои ценностно-мировоззренческие ориентации, приоритеты социокультурной динамики под влиянием процессов глобальных трансформаций. Поэтому первостепенная задача для них на сегодняшний день – вписаться в формирующееся глобальное социокультурное пространство, избежать вытеснения на культурную периферию, но в то же время сохранить свою собственную уникальность и не раствориться на культурологической карте мира. Для реализации данной задачи транзитивные страны должны опереться на традицию как важнейший механизм хранения и трансляции социокультурного опыта. Только в этом случае общества переходного типа смогут вплести свое специфическое содержание в общую ткань всей мировой культуры, не потеряв собственной аутентичности, т.е.

реализовать «глокальный» сценарий развития, в рамках которого мы сможем говорить о единстве многообразия, а не о тотальной унификации мирового культурного целого [6]. В связи с данным обстоятельством, появление и функционирование таких объединений как БРИКС становится площадкой для диалога культур и цивилизаций с учетом уникальных особенностей каждого участника и позволяет сохранить культурные особенности стран-участниц данной организации. Не случайно статус данного объединения от экономического и политического со временем трансформировался и в культурное как альтернатива глобальной вестернизации и американизации.

В условиях перманентной межкультурной коммуникации развивающиеся страны рискуют утратить свою культурную идентичность и остаться в статусе источника сырья или рынка сбыта продукции более развитых регионов. Несмотря на то, что полная утрата экономической независимости может иметь негативные последствия для менее развитых стран, в то же время потеря культурной самобытности будет иметь более серьезные и фундаментальные последствия. Глобализационные изменения мирового социального пространства неизбежно ведут к трансформации культурной традиции, которая базируется на укоренившейся системе ценностей. Изменение системы ценностей в самобытных культурах влечет за собой изменение мировоззренческих установок и привычного жизненного уклада. Чаще всего навязывание западных приоритетов и жизненных стереотипов представляет собой «мирную» культурную интервенцию и влечет за собой возрастающее недовольство остальных представителей мировой цивилизации, которые чувствуют за этим скрытую угрозу существованию своей аутентичной культурной традиции. Национальная и культурная идентичность по-прежнему остаются фундаментальными формами самоопределения человека, даже на фоне тенденции к космополитизму, поскольку определяют ментальные и психологические особенности отдельной личности и народа в целом [7].

Все вышеперечисленные характеристики современных глобальных социокультурных трансформаций наглядно демонстрируют сложность и противоречивость этих процессов. На фоне становления глобального экономического, политического и социокультурного пространства наблюдаются обратные тенденции, которые свидетельствуют о том, что сближение мирового сообщества часто носит весьма условный характер. Но если в торгово-финансовом секторе и политической сфере глобализационные процессы способствуют усилению единства и взаимосвязи между людьми, то в сфере культуры это часто приводит к замещению традиционных, устоявшихся форм культуротворчества, иными, зачастую эпатажными, недолговечными и не содержащими глубинные смыслы, аксиологическими и

символическими формами духовной культуры. Это ведет к упрощению, архаизации, стагнации или в крайнем варианте – к разрушению и исчезновению культуры [3].

Литература.

1. Фролова (Радевич), Е. В. Социокультурные приоритеты глобализации и информационные технологии в современных обществах / Е. В. Фролова (Радевич) // Учен. зап. Тавр. нац. ун-та. Сер.: Философия. Социология. – 2008. – Т. 21, № 1. – С. 270–274.
2. Snyder, P. D. Five meta-trends changing the world / P. D. Snyder // Futurist. – 2004. – Vol. 38, № 4. – P. 22–27.
3. Радевич, Е. В. Основные тенденции социодинамики культуры в трансформирующемся дискурсе глобализации / Е. В. Радевич // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. – 2019. – № 3. – С. 41–46.
4. Ерасов, Б. С. Социальная культурология : учебник / Б. С. Ерасов. – 3-е изд., доп. и перераб. – М. : Аспект Пресс, 2000. – 590 с.
5. Стивенсон, Н. Глобализация, национальные культуры и культурное гражданство / Н. Стивенсон // Глобализация: контуры XXI века : реф. сб. : в 3 ч. / Рос. акад. наук, Ин-т науч. информ. по обществ. наукам, Горбачев-фонд ; редкол.: Ю. Н. Грицкий (отв. ред.) [и др.]. – М., 2004. – Ч. 3. – С. 5–12.
6. Радевич, Е. В. Глобализация и вызовы современной цивилизации / Е. В. Радевич // Молодежь в XXI веке: философия, психология право, педагогика, экономика и менеджмент : сб. науч. ст. VII Междунар. науч.-практ. конф., Екатеринбург, 7 дек. 2016 г. / Урал. гос. пед. ун-т ; под науч. ред. И. А. Симоновой, Д. М. Никифоровой. – Екатеринбург, 2016. – С. 207–209.
7. Радевич, Е. В. Изменение механизмов идентификации в условиях глобальных социокультурных трансформаций / Е. В. Радевич // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке : сб. ст. X Всерос. с междунар. участием очно-заоч. науч. конф. / Забайкал. гос. ун-т ; под общ. ред. Н. Д. Субботиной, Ю. В. Гавриловой, М. В. Приваловой. – Чита, 2019. – С. 219–231.